

{numeration}

Был царь Давыд. У царя не было детей нико́во. Ево не было дома. У них ноцевал нишшей. Родила у нишшево кобыла жеребе́нка. Чарица и говорит: «Жеребе́нок мой!» А нишшей говорит: «Мой!» Стал собирать народ, баб. Бабы говорят: «Жеребе́нок царицин». А мужики говорят: «Жеребе́нок стариков». У ее́ во утробе младе́нец, и говорят: «Баба по бабе и суд судит. А бле́дь по бледи и кlobук кроет». Чарица видит, што дело неладно, взяла, отдала жеребе́нка старику. Родила она сына. Отправила она, велела служанкам отнести в кузнецо́, в солому. Она велела ево зарезать, ожарить, принести и съись. Оне снесли к кузнецо́, в солому положили. Он велел служанкам, которые понесли ево: «Снесите меня и положите в солому». Кузнецъ приходит за соломой. У нево тоже робёнка родила жона. Кузнецъ приходит к соломе, ткнул, а он там и говорит: «Кузнецъ! Не утки миня». Кузнецъ глаза выпучил, не знает, што деетсе. Осмотрил, вынел ево, а тот говорит: «Окрести меня со своим сыном». Он унёс домой и дал обоим имена Иванами.

Этот и растёт ходко. Стало времяцко три дене́цка и он стал на уло́цку похо́живать. Дошло время — три годо́цка стало. Он стал с робятками поигрывать. Хорошо стал поигрывать, такие фокусы выкидывать. «Што давайте, говорит, робята, чаря выбирать. От ково топерече лягушки затихнут лаять, тово чарём выбрать». Все покла́нялись Богу, ни от ково легу́ши не тихнут. Он первой раз поклонилсе, легуши стали ти́шае лаеть. А третьей раз поклонилсе, на готово стихли. И все говорят: «Чарь, чарь!» А другие господские детки и генеральские: «Што надо ешшо выбрать. От ково на три часа станут озера, штобы клюшкам робятам поиграть». Все перекланились, ни от ково ничто не деитсе, не встает озе́ро. А он и стал клане́тсе; первой раз поклонилсе — крестики сделались на́ озере. Во второй раз поклонилсе — озеро встало всё. Третьей раз поклонилсе — озеро встало хорошо, хоть на ко́нех поежжай. Вот некоторые из простонародья говорят: «Чарь, чарь!» А другие говорят: «Што надо ешшо, до трёх раз». Вот и третью выду́мали: «От ково леса все вершка́ми в землю уткнутсе, тот чарь уж премой». Все перекланились, ни от ково толку нету. Он и стал клане́тсе. Первой раз поклонилсе, и леса погнулись, а второй раз поклонилсе — все леса до полу дерев погнулись. Третье поклонилсе — вершинами в землю уткнулись. Все уж и говорят: «Теперь уж действительно чарь». Ево и прозвали — чарь Соло́мон.

Чарь Давыд догадалсе, што ево сын. У нево жена была поно́сная, а тут не стало брюха ницево. Он и говорит: «Это мой сын!» Случилось пришествие. Старуха несла лукошечко муки, напахало последнее только из амбара. Корабельшыки ехали — гости и просили ветру. Ветер подул, у ее́ выхватило лукошечко, понесло по полю. Вот она заплакала, пришла к чарю Давыду и просит: «Што такие-то люди ехали, попрошали ветру, у меня лукошечко вырвало из рук и разнесло по полю муку. Теперь мне ись нечево». А Давыд и говорит: «Я тут не знаю, чево рассудить и ты поди к чарю Соло́мону — он рассудит». Она приходит к чарю Соломону и говорит: «Вот так и так, ехали люди, попросили ветру,

у меня лукошечко из рук выхватило и разнесло по́ полю». Он си́цяс и приказал этих людей к себе. «Што, господа, ехали вы в такое время? Просили ветру?» Они говорят: «Мы просили, ваше царское величество!» — «Да вот, как старушки изобидело, так подайте вы ей по рублю денег да по пуду муки». А оне купцы богатые — пошли, благодарят царя: «Спасибо, рассудил не по многу». А старуха Бога молит: «Дай, Господи, добро здоровье царю Соло́мону».

Вот царь Давыд всё навиряется: «Это мой сын, надо ево достать». Приежжает к кузнецю, а ево дома нет — уехал кататься. «Кузнец, говорит, где Соло́мон?» — «А Соломон не знаю куды укатилсе. А што такое?» — «А я прикатил сто быков, штоб было к утру сто телёнков!» Вот кузнец запечалилсе, повалилсе на лежаночку. Экой печальной, экой невеселой сделалсе! Вот Соло́мон приежжаёт домой. «Што же ты, папаша, не весел севодня?» — «Да к чему мне веселиться, как твой батько пригони́л сто быков, штобы к утру сто телёнков было». А он и говорит:

«Спасибо, што пригони́л. Говедины привёз. Подём, возьмём топерь и наколем, наварим, нажарим». Наварили, нажарили, съись не могли и к утру осталосе. Он встал поу́тру ранёшенько, сел под окошечко да поедает говедину. Вдруг чарь Давыд приехал и спрашивает: «Где кузнец?» — «А кузнец ушел с быками бодаться»... А тот и говорит: «А мало из быков телята родятсе». Тот заворотилсе и назад — делать нечево!

Приежжает царь Давыд, пригонил баранов, а быков назад угони́л остальных. И говорит: «Штобы было к утру сто егнёнков». Сам опять уехал. Кузнец сделалсе экой невеселой, экой нерадостной! Опять Соло́мон приехал домой. «Што же ты, папаша, не весел, не радостен?» — «А к чему же мне веселиться, коли твои папаша пригонил сто баранов, штобы к утру были готово сто егнёнков». — «А спасибо ему, што пригонил. Это полегче говедина, бери ножик да подём, станем резать, варить да жарить.» Вот нарезали, наварили, нажарили, и к утру осталосе много. Поу́тру встал, у окошечка сел, сидит да говедину поёдаёт. Чарь Давыд приехал и говорит: «Где кузнец?» — «А кузнец, говорит, с баранами будаетсе». А он говорит: «Мало, говорит, дураков с баранами будаються». — «А мало из баранов егнята родятсе». Вот взад заворотилсе и уехал.

Тот опеть уехал, а этот опеть приехал. «Кузнец! подавай остальных баранов, а вот тебе сто еиць варёных, штобы к утру было сто циплёнков». Тот и уехал. Соло́мон приежжает. Кузнец лежит печёльной. «Што же ты, папаша, невесел?» — «Да где быть весёлым!

Приежжал чарь Давыд — штобы к утру было сто циплёнков из ста еиць варёных». — «Ну и ладно. Спасибо, што наварил. Нам не надо беспокоиться. Давай, станем чистить да ись». Вот они колько поили — всево съись не могли, и осталосе и к утрию. Он поутру стал пораньше, сел под окошечко и начал поедать еицька. Вдруг чарь подъехал к окошку. «Где кузнец?» — говорит. «А кузнец циплят парит». — «Мало, дурак, мужики циплят парят». — «И мало, дурак, из варёных еиць ци́плета вылега́ют». Тот опять и взад. Соломон уехал на своё место.

И вот царь и опять приехал. «Кузнец! Подавай остальные яйца!» Тот яйца подал. «Вот што, кузнец, я к тебе поездил; ты теперь приежай ко мне! С обоими сыновьями, и возьми друга и не́ друга, обуйсе и не обуйсе, оболоки́сь и не оболоки́сь, запреги́ лошадь и не лошадь, запреги в дровни и не в дровни, и́дь доро́гой и не дорогой, заидь на двор и не на двор». Кузнец тово, пуще тово запечалилсе. Чарь Соло́мон приежаэт. «Што ты, папаша, больно печален севодня?» — «Твой папаша наказал севодне и не то, што сделать, и не рассказать будет, кажется. Велел взять обеих сыновей, друга и не́ друга» и т. д. Соломон и говорит: «Вот што, папаша! Есть, говорит, мерёжа?» — «Есть». Взял принёс, опеленал всево, сапоги обул, подошвы отрезал. Забрали друга и не́ друга, запрегли козла, запрегли дровни. Один поло́с склотил — так дровни и недровни стали. Едут они дорогой, а копы́льё стороной идёт. «Смотри, папаша, как козёл зайдет на двор, а дрове́й не завози». Как сказали, так и сделали. Чарь глядит — видит, што никак не подкопаешси под сына. Посадил за стол и стал потчивать.

А Соло́мон кузнецю раньше наказал: «Как первую рюмку поднесёт чарь, ты и подай хозяйке. Она как пить станет, ты ей по плечам и стегни ремя́лкой. Она бросит рюмку и убежит домой. Возьми кусочик, кинь собаке — как и́сь станет, ты ее и хлесни́. Залает, побежит; кликни опеть — она обратно воротитсе, а жонка та не воротитсе уж». Сделали всё это и поехали домой. Доехали до сосны, до большой. Царь Давыд и говорит: «Это, говорит, на што гожа?» — «А вот чарь Давыд помрёт, дак домови́шке сделать можно», — говорит. Это ему не показалось. «Ах ты, пёс!» И хотел ево схватить, а тот убежал. Воротилсе домой и послал слуг ево хватать, доста́ть. Вот слуги ехали, ехали, доехали до горы, на горе сидит пастух, пасёт скотину и в рог играет — с... и с..., пьёт и ест, и в рог играет.

Они стоят и дивуются, какой человек эдакой! Они и испрашивают: «А глубока ли река эта?» — «А триста Иван до колена». — «А много ли скота?» — говорят. «А триста Иван до колена», — всё одно твердит. «А как тебя зовут?» — «А триста Иван до колена». А они думают, это не человек, дурак какой и есь. Приехали к чарю Давыду, он их и спрашивает: «Што, догнали?» — «Нет, нашли каково-то дурака, которой и с... и с..., и в

рог играэт, и всё отвечает: «Триста Иван до колена». — «Ой! Да это он и есть!» Они за ним. Издили, издили, никоу не могли найти.

Он издил много лет, шаталсе по России; потом царь Давыд помёр; он приехал в отцёвской дом и стал маменьке говорить, што надо жениться. Он взял королевну замуж. Живёт он с ней. Выехали они погулять, и увидела она: птичка на птичку скочит, попорхает, да опять на ее. «А мы што, говорит, редко?» — «А нам где, говорит. Вот, говорит, есть король Ефаминьской, тот помногу жон в сутки отправляет. А нам, говорит, эдак не управиться». Она взяла да ночью и уехала, ночью к королю туды. Поутру проспалсе, а нету своей королевы. «Мамонька! Где она?» — «Не знаю». — «Видно она туды, шельма, ушла! Мамонька! Насуши сухарьков, пойду я туды́». Наказал своей силе: «Как в первой раз заиграю, одевайтесь, второй раз заиграю, так будьте в походе, а в третьей заиграю — не зевайте!» Вот он сошел туды, к этому королю, а она одна там сидит. «Куды ты пришел? Скоро король будет, он тебя убьёт. Садись, говорит, в сундук, буди». Посадила, а сама на сундук села. Вдруг король в избу хлоп! «Ох, руськой дух в доме! Терпеть не могу». — «А ты по́ Руси каталсе, руському духу нахваталсе и я терпеть не могу». — «Збирай на стол — ись хочу». Она собрала ему на стол, он сел. Она говорит: «Я тебе загадку загану́. Сиж на чаре, а глежу на короля́?» — «Ах, неужели царь Соло́мон пришел?» Она говорит: «Тут». Открыла сундук. Выходит Соло́мон. «Ох, пришел теперь соко́л на́ дом, садись за стол! Неси орехов — станем чётатсы, которой которово общётает, тово на висилицу». Он на ево, на чаря Соло́мона две меры общётал. «Завтра тебя, говорит, на ви́силицу».

Велел висилицу наладить, народу собратьев, што царя Соло́мона будут висить. Вот и повезли ево, везут на телеге, и царица с ними поехала. Соло́мон и говорит: «Добро, говорит, передние колёса лошадь везёт, а задние не цёрт ли несёт» (ему не́ любо, што жонка и́дёт). И повезли ево, подвезли к висилице, он говорит: «Дай разыграть при последнем времецьке». А та и говорит: «Смотри, король, он тебя обманет». А тот говорит: «Ох! Баба! Волос длинен, а ум короток. Где ему? Он один, как пёрстик, а у меня силы и око не сяжо́т». Как проиграл, просит: «Дай-ко ешшо, король, поиграть при последнем времецьке». Народу и королю понравилось. «Дай, дай, король, ему поиграть!» А она и говорит: «Обманет он тебя». — «А где обмануть, как у меня силы око не ся́жот, а он один, как безымянной пёрст!» И ешшо третьей раз поиграл. Как поиграл и говорит: «Король! Погледи, мои гуси твою пшеницу клюют». А он поглядел — вся сила королёва лёжыт, а ево одна стоит. Взяли каза́ки, подхватили короля и царицу, и в петлю.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Андрея Михайловича Ганина](#) .

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах. — СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Сказка соответствует типу: **БСС 920** [Царь Соломон и его неверная жена](#)

{/spoiler}